

Она думала,
что получила
в подарок книгу.
Она не знала,
что получает
чужую жизнь

СТАТУС
БЕСТСЕЛЛЕРА
В 22 СТРАНАХ МИРА

ДЖЕЙН
ДЖОНСОН

ДЕСЯТЫЙ СТЕЖОК

Джейн Джонсон
Десятый стежок
Серия «Терра инкогнита
(Азбука-Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74251081

*Десятый стежок: Иностранка, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-34162-3*

Аннотация

Старинный фолиант, посвященный вышивке, для Джулии Лавэт лишь прощальный подарок бывшего возлюбленного, дорогая безделушка, которую можно поставить на полку и забыть. Но однажды она открывает книгу и находит на полях чьи-то рукописные строчки. Это дневник девушки, жившей четыре века назад, которую звали Кэтрин. Она была служанкой, вышивальщицей, а затем пленницей берберских пиратов. Страница за страницей Джулия погружается в историю незнакомки. Кэтрин пишет о море и невольничьем рынке, о Марокко и людях, которые ее окружают, о любви, которая расцвела там, где, казалось, могла уцелеть только ненависть.

А потом случается нечто странное. Судьбы двух разделенных веками женщин начинают переплетаться. Джулия, сама того не желая, идет по следу Кэтрин. Из туманного Корнуолла – в жаркий Рабат. От собственного разбитого прошлого – к тайне, которую

пыталась сохранить чужая рука на пожелтевших страницах. И там, среди базаров и минаретов, в городе, где время течет иначе, ее ждет не только разгадка древней истории.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	59
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джейн Джонсон

Десятый стежок

Посвящается Абделю

Jane Johnson

THE TENTH GIFT

Copyright © Jane Johnson, 2008

Published in agreement with the author, c/o BAROR
INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.

© И. Данилов, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава 1

*Достопочтенным лордам,
членам высокочтимого
Тайного совета Его Величества
Срочно, весьма срочно
Плимут, апреля 18-го дня 1625 года,
восемь часов пополудни*

С позволения ваших милостей почтительнейшие доношу, что сегодня получил я сообщение о неких турках, маврах и голландцах, каковые стали появляться у наших берегов, грабя рыбацкие и купеческие суда. Сей рапорт был предоставлен сэром Уильямом Найтом, коему я склонен полностью доверять, поскольку два рыбацких судна, упомянутых в его депеше, были недавно обнаружены дрейфующими в море, не имея на борту ни людей, ни груза.

Помимо вышеуказанного, я получил достоверные сведения о том, что из Сале в Берберии готовы отплыть тридцать кораблей, дабы в начале лета предать грабежу и опустошению побережье Англии, и, ежели не будут приняты спешные меры для предотвращения сего, пиратские набеги могут принести нам множество бедствий.

Исходя из вышеизложенного я счел своим долгом предупредить о сем ваши милости.

*Остаюсь покорнейшим слугой ваших милостей,
Томас Сили, мэр города Плимута*

«На свете существует не так уж много основных сюжетов отношений между людьми, которые повторяются бесконечно, и всякий раз с такой страстностью и остротой, словно никогда раньше ничего подобного не случилось. А на самом деле это все те же пять нот, которые жаворонки поют на протяжении тысячелетий».

Я нацарапала это в своей записной книжке после прочтения одного романа, который одолела за предыдущую ночь, перед тем как собиралась встретиться с Майклом, и уже предвкушала, как вставляю эту сентенцию в нашу беседу за ужином, хотя заранее знала, как он отреагирует (наверняка негативно, даже резко отрицательно – он всегда скептически относился ко всему, что хотя бы отдаленно можно было бы считать «романтическим»).

Он преподавал в университете европейскую литературу и в свои лекции привносил незыблемые и непреклонные постструктуралистские установки, словно книги – это мясо, предназначенное для разделки на колоде мясника, – всего лишь мышцы и жилы, кости и хрящи, которые требуется ободрать, разделать и рассортировать.

Майкл же со своей стороны находил мое отношение к литературе как к предмету слишком эмоциональным и лишенным научной строгости. Это означало, что в самом начале отношений у нас произошел чрезвычайно яростный спор,

который настолько задел меня лично, что почти довел до слез, но теперь, семь лет спустя, мы научились покусывать друг друга достаточно безболезненно. Как бы то ни было, в какой-то момент это внесло в наши отношения некоторое разнообразие и отвлекло от обсуждений (или уклонения от обсуждений) проблем с его женой Анной или нашего будущего.

Для начала следует заметить, что поначалу мне было довольно тяжело жить, видясь лишь урывками, находиться в состоянии полной неопределенности наших перспектив, но понемногу я привыкла к такому положению, так что ныне моя жизнь приобрела некоторую определенность и упорядоченность. Конечно, она стала несколько ограниченной, лишенной того, что многие считают неотъемлемой ее частью, но меня это вполне устраивало. Во всяком случае, именно так я твердила сама себе.

К ужину я оделась, продумав все до мелочей: блузка из жатого шелка, шитая на заказ черная юбка до колен, чулки (Майкл, как и следует ожидать от подобного человека, истинный мужчина в своих предпочтениях), замшевые туфли со шнуровкой по щиколотку, в которых мне с большим трудом удастся пройти полмили до ресторана и столько же обратно. И моя любимая вышитая шаль: яркие анютины глазки по тончайшему синему кашемиру.

Я всегда утверждала, что для того, чтобы стать хорошей вышивальщицей, нужно быть оптимисткой. Большая вещь

(например, шаль) может потребовать от шести месяцев до года вдохновенного и целенаправленного труда. И упорства тоже. Даже упрямства, как у альпиниста: один осторожный и тщательно выверенный шаг за другим. Главное, не паниковать при мысли о том, насколько огромна стоящая перед тобой задача и насколько опасны скрытые провалы и снежные лавины. Вы, конечно, можете подумать, что я преувеличиваю трудности этого занятия: подумаешь, кусок ткани, иголка и нитка – ну что тут особенного? Но когда истратишь целое состояние на хороший отрез кашемира и еще столько же на шелк, или если несчастная девушка-заказчица уже на грани нервного срыва, потому что день свадьбы приближается, а вещь не готова, или если изделие планируется представить на выставке, а работа над ним едва начата и предстоит еще не только продумать дизайн и все спланировать, но и сделать тысячи стежков, – тут, могу вам точно сказать, напряжение становится весьма ощутимым.

Встретиться с Майклом мы должны были в «Энотека тури», популярном ресторане тосканской кухни, расположенном у южного конца моста Патни, – туда мы обычно отправляемся, когда желаем что-нибудь отпраздновать. Но сейчас никаких дней рождения не предвиделось, как и повышений по службе или публикаций; во всяком случае, мне ни о чем подобном известно не было. Повышения по службе лично мне ожидать трудно, поскольку у меня собственный бизнес; правда, само слово «бизнес» в известной мере является на-

тяжкой по отношению к деятельности, осуществляемой одной-единственной женщиной в крошечном магазинчике товаров ручной работы в торговом комплексе «Севен дайалз». Для меня этот магазинчик был в большей мере потворством собственным увлечениям, чем средством зарабатывания денег. Пять лет назад умерла одна из моих тетушек, оставив мне вполне приличное состояние. Пару лет спустя за нею последовала и мама, а я была единственным ребенком. В результате оплата аренды магазина свалилась на меня; договор на его аренду истекал менее чем через год, а я так еще и не решила, что делать, когда истечет этот срок. Я получала больше денег за счет комиссионных от реализации чужих работ, чем от продажи своих, поэтому можно сказать, что связанные с шитьем заботы были для меня в значительной степени просто способом убить время, делая стежок за стежком в ожидании следующего свидания с Майклом.

Я оказалась на месте слишком рано. Говорят, в отношениях между двумя людьми всю инициативу обычно берет на себя один; в нашем случае на мою долю приходится процентов семьдесят. Отчасти это результат сложившихся обстоятельств, отчасти темперамента, как моего, так и Майкла. Он по большей части держится отстраненно от остального мира; я же всегда щедро выплескиваю эмоции.

Я села спиной к стене, разглядывая посетителей ресторана, словно зевака, забредший в зоопарк. В основном здесь были парочки лет тридцати и старше, такие же, как мы сами:

хорошо зарабатывающие, хорошо одетые, говорящие на хорошем, правильном языке, пусть и слишком громко. До меня долетали обрывки разговоров:

– Как ты думаешь, что такое *fagioli occhiata di Colfiorito*?¹

– Как это грустно насчет Джастина и Элис... такая прекрасная пара... и что они будут делать с домом?

– А как тебе идея поехать в следующем месяце в Марракеш? Или снова хочешь во Флоренцию?

Милые, нормальные, всем довольные люди, имеющие стабильную работу, достаточно денег и счастливые в браке; живущие размеренной, удобной, хорошо организованной жизнью. Не то что я. Я разглядывала их, плавающих в золотистом свете, и гадала, что могут подумать обо мне, сидящей рядом – в самом лучшем белье, новых чулках и в туфлях на высоких каблуках – и дожидаящейся, когда явится муж моей когда-то лучшей подруги.

«Вероятно, решат, что я жутко всем им завидую», – подсказал гадкий голосок у меня в голове.

Надеюсь, что нет.

Но где же, наконец, Майкл?! Уже двадцать минут девятого, а ему к одиннадцати надо быть дома, как он всегда подчеркивает. Быстрый ужин, поспешный перепихон – это самое большее, на что я могу надеяться; а может, и на это не стоит рассчитывать. Чувствуя, как убегают драгоценные секунды, я начала беспокоиться. Я не позволяла себе раньше

¹ Пестрая фасоль из Кольфиорито, района в Центральной Италии (*ит.*).

подумать о причинах, подвигнувших его назначить встречу в «Энотеке». Ресторан был дорогой, в такие места не отправляются из одного только каприза; во всяком случае, не с жалованьем преподавателя на полставки, которое дополняется нерегулярная, от случая к случаю, перепродажа антикварных книг. Это не свойственно такому человеку, как Майкл, всегда очень сдержанному в расходах.

Я отвлеклась от этой загадки, заказав сомелье бутылку «Рокка рубина», после чего уселась поудобнее, обхватив ладонями бокал – гигантский, как кубок, прямо настоящая чаша святого Грааля, – и принялась дожидаться прибытия моего весьма посредственного и полного изъянов сэра Ланселота. В свете свечей содержимое бокала отсвечивало красным, прямо как свежая кровь.

И вот он, наконец, ворвался сквозь вращающуюся дверь – волосы взъерошены, щеки горят, словно бежал всю дорогу от станции метро «Патни». Майкл нетерпеливо задергал плечами, высвобождаясь из своего пальто, перекладывая атташе-кейс и черный пластиковый пакет из одной руки в другую в попытке побыстрее выпутаться из рукавов, и наконец подбежал к столику. Оскалившись в какой-то безумной улыбке, но избегая смотреть прямо в глаза, быстренько чмокнул меня в щеку и сел на стул, который услужливо пододвинул официант.

– Извини, я опоздал. Давай побыстрее все закажем, ладно? А то мне надо быть дома...

– ...к одиннадцати, помню. – Я подавила вздох. – Трудный день выдался?

Было бы совсем неплохо выяснить, зачем мы здесь оказались, так сказать, сразу перейти к сути дела, но Майкл с головой ушел в изучение меню, тщательно исследуя список блюд и стараясь определить, какое из них обещает максимальную отдачу за назначенную за него цену.

– Да нет, не особенно, – наконец ответил он. – Обычные идиоты-студенты, сидят, как безмозглые овцы, и ждут, когда я набью им головы знаниями. Исключая одного излишне нетерпеливого всезнайку... старался выпендриться перед девицами, затеяв спор с преподавателем. Ну я его быстро поставил на место.

Я вполне могла себе представить, как Майкл «ставит на место» какого-нибудь наглого юнца, пронзая его сверлящим взглядом и безжалостно срезая в такой манере, которая гарантирует взрыв смеха со стороны студенток.

Женщины просто обожают Майкла. И с этим ничего не поделаешь. Дело то ли в мрачном выражении его лица (и в такой же манере поведения), вечных *louches*² шуточках, то ли в блеске сверкающих черных глаз, в жесткой складке около рта или в непрерывно порхающих руках, даже не знаю. Я давно утратила способность разбираться в подобных вещах.

Официант принял наш заказ, и у нас больше не осталось никаких предлогов для того, чтобы и дальше обмениваться

² Двусмысленный (фр.).

дежурными репликами. Майкл протянул руку через стол и положил свою ладонь на мою, пригвоздив ее к белой скатерти. Мою руку пронзил знакомый электрический разряд сексуального подъема, по всему телу волной прошло возбуждение. Майкл смотрел на меня очень строго, даже торжественно – настолько торжественно, что мне захотелось рассмеяться. Он сейчас выглядел словно нашкодивший Пак³, решивший покаяться в своих гнусных прегрешениях.

– Мне кажется, – осторожно начал он, уперев взгляд в какую-то точку в паре дюймов слева от меня, – что нам следует прекратить встречаться. По крайней мере на некоторое время.

Ну вот, дождалась! Смех, который давно уже копился у меня внутри, вырвался наконец наружу, совершенно не к месту. Я заметила, что все оборачиваются в нашу сторону.

– Что ты сказал?

– Ты еще молода, – продолжал он. – Если мы расстанемся теперь, вполне сможешь найти себе кого-то другого. Устроиться. Завести семью.

Майкл терпеть не мог даже говорить о детях. И тот факт, что он навязывал их мне, лишний раз подтвердил, что он решил порвать со мной.

– Мы оба уже не слишком молоды, – резко возразила я. – Тебя это касается в первую очередь. – Тут рука Майкла

³ Персонаж комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь», проказливый чертенок.

неосознанным жестом потянулась ко лбу. Он уже начал терять волосы, и у него хватало тщеславия и суетности, чтобы беспокоиться на этот счет. Я все последние годы твердила ему, что это не так уж заметно; некоторое время спустя, когда это утверждение стало звучать все более фальшиво, я начала говорить, что так он выглядит гораздо более утонченно и сексуально.

Официант принес заказанные блюда. Ели мы в полном молчании. Вернее, ел в основном Майкл; я же главным образом просто передвигала вилкой по тарелке кусочки краба и *linguine*⁴ и все время пила вино.

Наконец тарелки опустели, после чего мы остались сидеть практически в пустоте. Майкл устался на скатерть, словно само окружающее нас пространство таило какую-то угрозу, потом вдруг странно оживился.

– Вообще-то я кое-что тебе принес, – сообщил он. Взял свой пакет и заглянул внутрь. Я успела заметить, что там лежат два предмета, завернутые в коричневую упаковочную бумагу, почти одинакового размера, словно он купил не один, а целых два прощальных подарка для двух разных женщин. Может, именно так оно и было.

– Боюсь, ее не слишком хорошо завернули. Времени не было, такой уж выдался день. – Он подтолкнул один из этих предметов через стол ко мне. – Но главное – это сам подарок. Нечто вроде *memento mori*, типа извинения, – добавил он со

⁴ Блюдо итальянской кухни, род длинной и тонкой лапши (*um.*).

своей кривой и чувственной улыбочкой, которая так на меня подействовала еще при первой нашей встрече. – Мне очень жаль, понимаешь... Ты уж прости меня... за все.

Ему и впрямь было за что просить прощения, но я не чувствовала сейчас в себе сил, чтобы это ему сказать. Memento mori, помни о смерти. Эта фраза рикошетом отразилась от стенок моего черепа. Я осторожно развернула бумагу, чувствуя, как крабовое мясо под соусом чили переворачивается в желудке.

Внутри оказалась книга.

Старинная книга в переплете из коричневой телячьей кожи с простыми украшениями в виде тисненых линий на обложке и с четырьмя приподнятыми и закругленными ребрами на корешке, на равном расстоянии друг от друга. Мои пальцы с удовольствием скользнули по переплету, словно это была кожа живого существа. Выкинув из головы все ужасные слова, только что услышанные от Майкла, я занялась книгой: осторожно приподняла крышку обложки, стараясь, чтобы не треснул хрупкий корешок. Открывшаяся титульная страница оказалась выцветшей и покрытой бурыми пятнами.

«Гордость рукодельницы» – было напечатано на ней крупными буквами, а ниже более мелко, курсивом: *«Здесь приведены некоторые изящные узоры и образцы для надлежащего и аккуратного вышивания золотой или серебряной нитью, а также шелком или шерстяной пряжей, как вам будет угодно и удобно. Образцы собрал и опубликовал впервые Генри*

Уорд из Эксетера, Кафедрал-сквер, в 1624 году».

А под этим округлым и неустойчивым почерком было добавлено: «*Маей кузине Кэт, 27 мая 1625 года*».

– Ох! – воскликнула я, сраженная древностью и великолепием книги.оборот титульного листа был украшен изящными виньетками. Я повернула его к свету в тщетной попытке разглядеть узор более подробно.

Майкл, кажется, сказал что-то еще, но его слова пролетели мимо моих ушей.

– Ох! – снова воскликнула я. – Как необычно!

Пауза. Я ощутила, что над столиком повисло тяжелое молчание, какое требовало хоть какой-то реакции.

– Ты слышала хоть что-то из того, что я тебе говорил?

Я молча уставилась на него, не желая отвечать.

Его черные глаза вдруг стали почти карими. Из них так и сочились жалость.

– Мне очень жаль, Джулия, – повторил он. – Мы с Анной достигли некоей критической точки в отношениях, и на днях у нас вышел очень откровенный разговор. Решили попробовать восстановить наш брак, начать все сначала. Я не могу больше с тобой встречаться. Между нами все кончено.

* * *

Я лежала в постели, одна, свернувшись клубочком и зажав в руках эту книгу – последний в моей жизни подарок

Майкла; вещь, которая еще долго будет напоминать мне о нашей связи. Лежала и всхлипывала. Усталость наконец победила, но сон оказался еще хуже, чем бодрствование: мне снились кошмары. Я просыпалась в полтретьего, в три, потом в четыре, и в голове крутились обрывки сновидений – кровь и раздробленные кости, некто вопящий от боли, выкрики на языке, которого я не понимала... И самым живым впечатлением была цепочка видений: меня, голую, провели перед толпой незнакомых мужчин, те смеялись, указывая на недостатки моей фигуры, которых было немало. Одним из зевак был Майкл. На нем был длинный плащ с капюшоном, но я узнала голос, когда он заговорил:

– А у этой нет груди! Зачем вы привели мне женщину, у которой нет груди?

Я проснулась вся в холодном поту, сгорая от стыда, – жалкое создание, но совершенно не заслуживающее такой судьбы.

При всем при том, униженная и растоптанная, я ощущала какую-то странную отстраненность от виденного, словно это не я подвергалась поруганию и осмеянию, а какая-то совсем другая Джулия Лавэт, далекая и почти незнакомая.

Потом я снова задремала; если мне и снилось что-то еще – ничего не помню. А когда я проснулась окончательно, то обнаружила, что лежу прямо на книге. «Гордость рукодельницы» оставила у меня на спине все четыре отметины от тиснения, как шрамы.

Глава 2

В дверь позвонили. Майкл пересек комнату, подошел к окну и выглянул. На улице перед входом стоял мужчина, неуклюже переминаясь, словно ему приспичило в туалет. Одет он был слишком тепло для сегодняшней погоды: в старое шерстяное пальто и вельветовые брюки. Занимая выгодную для обозрения точку, с высоты птичьего полета Майкл впервые заметил, что макушка Стивена почти облысела, если не считать прикрывавшего ее зачеса типа «внутренний заем», – прядь выглядела так, словно ее приклеили. В этой части Сохо Стивен выглядел просто комически. Здесь молодые люди обычно разгуливают по улицам в облегающих рубашках, демонстрируя мускулатуру, в драной джинсе или в коже, светясь понимающими улыбочками, а туристы в поисках сильных ощущений, которые им не дано испытать самим, с опаской заглядывают сюда максимум на часок.

В те времена, когда Майкл только перебрался на эту квартиру, Олд-Комптон-стрит была совсем не такой оживленной и опасной. Теперь же, глядя на молодежную жизнь, кипящую внизу, он чувствовал себя так, как будто подглядывает в щелку за вечеринкой, на которую его ни за что не пригласят: он для этого слишком стар и слишком трезв. Особенно теперь, когда он вернулся на прежнюю стезю и снова стал играть роль верного мужа.

– Стивен! – крикнул он из окна и, когда тот поднял голову, прикрывая глаза от солнца, бросил ему связку ключей: – Держи! Верхний этаж.

На этой связке не только мои ключи, но и ключи Джулии, подумал Майкл уныло, когда бросал их вниз. Надо было бы вернуть их ей, раз уж все кончено. Но их последнее свидание было таким... словно поставило финальную точку в их отношениях.

Появление Стивена Байуотера прервало его размышления.

– А ты мог бы и забежать ко мне в магазин, – с упреком заявил Стивен, вытирая пот со лба. – Можно подумать, что до Блумсбери⁵ отсюда далеко топать. – Он с трудом выбрался из своего тяжелого пальто, словно демонстрируя, как нелегко ему пришлось.

– Не хотелось, чтобы нам кто-то помешал, – быстро ответил Майкл. – Сейчас сам все поймешь. Присядь...

Он сдвинул кипу газет и учебников с сиденья вытертого дивана, очищая место для гостя. Стивен Байуотер с большим сомнением осмотрел вытертую до основы и покрытую пятнами тканевую обивку, словно опасался прикоснуться к ней своей задницей, потом, с трудом сохраняя равновесие, пригнулся на краешке, выставив вперед костистые руки и но-

⁵ Район в центре Лондона, где расположены Лондонский университет и Британский музей; здесь же проживает и работает значительная часть творческой интеллигенции.

ги и напоминая при этом богомола.

– Ты не пожалеешь, что пришел, – возбужденно продолжал Майкл. – Взглянешь и сразу все сам поймешь. Это совершенно необыкновенная вещь, настоящее сокровище, уникальная штука! Да что я разглагольствую! Посмотри!

Он достал из черного пластикового пакета небольшой предмет, завернутый в коричневую бумагу, и положил на кофейный столик. Гость осторожно развернул упаковку и вынул немного выцветшую книгу в переплете из телячьей кожи с золотыми блестками, оставшимися от тиснения на корешке. Пробормотав что-то восхищенное, он перевернул книгу, осмотрел спинку обложки, потрепанный обрез, блок и переплет.

– Прекрасная вещь. Шестнадцатый – семнадцатый век. – Он с особой осторожностью раскрыл обложку, перевернул титульный лист.

– Тысяча шестьсот двадцать четвертый год. Замечательно! «Гордость рукодельницы». Я о ней, конечно, слышал, но в руки мне она никогда не попадала. Великолепная книга! Немного запачкана, есть следы использования, но в целом просто в отличном состоянии. – Он улыбнулся Майклу, показав зубы, желтые, как у крысы. – Можно заработать несколько гиней, загнав ее какому-нибудь коллекционеру. Где, говоришь, ты ее добыл?

Майкл ничего такого вовсе не говорил.

– Да у приятеля одного. Он распродает имущество своего

родственника. — Это была не вся правда. — Загляни внутрь, — нетерпеливо сказал он. — Книга гораздо более интересная и необычная, чем можно подумать...

Майкл с жадным интересом наблюдал, как букинист дует на страницы, аккуратно отделяя одну от другой и корча при этом разнообразие гримасы.

— Ну что ж, всё на месте — вклейки с иллюстрациями, ляссе⁶.

Майкл был поражен:

— И это все, что ты можешь сказать?! Посмотри как следует, это ж уникальная вещь... палимпсест!⁷ Разве сам не видишь записи от руки, на полях и между рисунками? Их, конечно, трудно разглядеть, это правда, но уж ты-то мог бы и заметить!

Байуотер нахмурился и снова принялся рассматривать книгу. В конце концов он закрыл ее и удивленно уставился на приятеля:

— Да нет, старина, никакой это не палимпсест. Это же бумага, а не пергамент. И нет на ней никаких следов соскребывания и никакого *scriptio inferior*⁸, ничего подобного. Маргиналии⁹ — да, есть, но это ж совсем другое дело! Сам должен

⁶ Узкая ленточка или тесьма, прикрепленная к верхней части переплета книги и служащая закладкой.

⁷ Древняя рукопись на пергаменте, с которой соскребли прежний текст, чтобы сделать новую запись.

⁸ Оригинальный, стертый текст в рукописи-палимпсесте.

⁹ Рисунки и записи на полях книг, рукописей.

понимать. Да, маргиналии, написанные собственной рукой автора, — это, несомненно, повысит цену книги, возможно, даже удвоит ее...

— Да не рукой автора, идиот! Там записи, оставленные какой-то девушкой! Это ж уникальный исторический документ, вероятно, бесценный! Очки надень...

Майкл грубо выхватил книгу у букиниста, открыл наугад и вдруг нахмурился. Затем судорожно перелистал несколько страниц, словно надеясь, что записи, обнаруженные им вчера, каким-то магическим образом могут возникнуть вновь.

Минуту спустя он положил книгу на столик и бросился к телефону. Лицо его напоминало грозовую тучу.

Глава 3

Анну, жену Майкла, я знала еще с университетских времен. Мы тогда называли себя «трое amigos¹⁰» – я, Анна и моя кузина Элисон – и при этом так сильно отличались друг от друга, насколько такое вообще можно себе представить. Если Анна была маленькой, похожей на куколку, то мы с Элисон являли собой мощных представительниц корнуоллского племени, возвращенных на молочных продуктах и мясных пирогах. Когда я распускала свои белокурые волосы, то вполне могла сидеть на них. Анна носила короткую черную модельную стрижку; волосы Элисон были длиной до плеч, и они поочередно бывали темно-каштановыми, цвета красного дерева, ярко-оранжевыми, а потом снова каштановыми – это зависело от того, чем она в данный момент увлекалась: английской литературой или драматическим искусством. Все вместе мы являли собой эдакое символическое подразделение, готовое пробиться сквозь все преграды и препоны учебы в университете и трудности на первых наших рабочих местах по его окончании.

Анна начала работать в книжном магазине, Элисон занялась преподаванием, а я пыталась найти свое место в жизни, меняя бары и кафе.

¹⁰ Друзей (*исп.*).

Мы с Элисон в последующие годы веселились на всю катушку – частенько напивались, напропалую трахались, а вот Анна тщательно выстраивала свою жизнь, аккуратно претворяла намеченные планы. Она сумела собрать воедино все нити своего прежнего опыта и целенаправленно соткать из них нечто полезное. Она трудилась изо всех сил, и это скоро начало давать плоды. Теперь она успешный редактор журнала мод, ее зарплата представляет собой астрономическую цифру, хотя по иронии судьбы она была единственной из всех нас, кто, в общем-то, никогда особо не нуждался в деньгах. Ее семья была достаточно богатой, если судить по тому, что мне удалось узнать, хотя сама Анна всегда оставалась скрытной. Она не распространялась насчет своего происхождения и вообще держалась скромно на фоне всех наших с Элисон финансовых катаклизмов, случавшихся очень часто и всегда чрезвычайно шумных.

После колледжа мы, конечно же, разбежались в разные стороны, что, я полагаю, было неизбежно. Элисон познакомилась с Эндрю и вышла за него – это для начала. Должна признаться, Эндрю никогда мне не нравился. Он был из породы таких вечно румяных любителей регби, добродушный и чрезвычайно самоуверенный тип, способный в любой момент цапнуть тебя за коленку или за что-нибудь еще прямо посреди разговора. Зависело это только от того, насколько он на данный момент бухой. И еще у него было совершенно похабное чувство юмора, и он был неспособен смущаться.

Элисон была с ним очень счастлива, по крайней мере некоторое время, и я сделала все от меня зависящее, чтобы с ним подружиться. Они всегда готовы были принять и утешить, после того как у меня в очередной раз было разбито сердце очередным неподходящим кандидатом в мужья.

Меня отпаивали спиртным, Элисон всякий раз с негодованием поглядывала на Эндрю, когда тот пытался неуклюже заигрывать со мной, а я и смеялась, и рыдала, и давилась вином. Когда же Эндрю завел роман на стороне и подруга примчалась ко мне вся в слезах, жалуясь, что ее жизнь разбита и никогда уже не наладится, я имела с ним очень серьезный, даже злобный разговор, а потом мы целых два года почти не разговаривали.

И опять-таки по иронии судьбы вскоре после этого я познакомилась с Майклом.

Я отлично все помню. Анна была какая-то запыхавшаяся, то и дело краснела от смущения.

– Джулия, проходи, выпей с нами. Я тебя кое с кем познакомлю. Вообще-то он мой жених.

Да, она умудрилась проделать это втихую от нас. Меня тогда здорово удивила и обидела такая скрытность. И внезапность. В колледже у нее ни единого бойфренда не было. Когда большинство пользовалось обретенной свободой на всю катушку, Анна писала бесконечные сочинения и эссе, что-то исследовала, изучала. Пока я с удовольствием проводила сексуальные эксперименты, Анна оставалась сосредоточен-

ной на учебе и соблюдала целибат. Она относилась к жизни намного серьезнее, чем мы. После окончания колледжа направила всю свою энергию на строительство собственной карьеры: у нее, как она заявила, был четкий план, и он, несомненно, работал. «Замуж я выйду после тридцати, – говорила она, – когда встану на ноги, займу должное положение в журнале и смогу уйти в отпуск, чтобы рожать детей». А я тогда только высмеивала ее и напоминала ей слова Джона Леннона, что жизнь – это то, что происходило тогда, когда ты занимался составлением планов. Ну и вот теперь, когда ей стукнул тридцать один годик, она объявила, что помолвлена, – это очередная, следующая ступенька в ее жизненной карьере.

– Ты что, залетела? – насмешливо осведомилась я.

Анна с негодованием отвергла подобное предположение, но сильно покраснела,

– Конечно, нет! – заявила она.

А я подумала, что они, наверное, еще даже и не спали вместе.

Где-то во всем этом должна была проявиться хоть какая-нибудь трещина, какой-нибудь изъян; идеального совершенства не бывает ни в чем, в том числе и в жизни. Совершенство искушает судьбу. Я припоминаю, что читала где-то про старых японских мастеров-керамистов – они всегда допускали наличие какого-нибудь дефекта, изъяна в своих вазах, опасаясь, что в противном случае вызовут гнев богов.

Анна, несомненно, ввела в искушение какого-то проказливого духа из всего этого многочисленного пантеона, и это привело к тому, что она была наказана за свое высокомерное отношение к Майклу. И за то, что считала меня подругой.

К несчастью для всех нас, мы с Майклом тут же почувствовали взаимное влечение. Едва встретившись взглядами, мы оба испытали электрический разряд, а в какой-то момент в ходе этого первого вечера в переполненном маленьком баре возле театра Ковент-Гарден он вполне преднамеренно погладил меня по попке, что привело позднее к катастрофическим последствиям. Три недели спустя, после долгих и многозначительных переглядываний и прикосновений, мы с ним переспали.

– Я не могу сказать об этом Анне, – заявил он в тот же вечер непререкаемым тоном. А я, упустив эту первую же и самую подходящую возможность развязать начавший затягиваться узел, лежала рядом с ним, совершенно потрясенная случившимся соитием и чувством вины, и легко с этим согласилась. После чего признаться в нашем совместном грехе и измене становилось все более затруднительно, просто невозможно.

На их свадьбе я была подружкой невесты.

И всякий раз, когда мы валялись вместе в постели в квартире Майкла в Сохо – по выкраденным средам, когда у него не было лекций, – когда лучи летнего солнца, проникавшие сквозь опущенные жалюзи, ложились на наши голые тела по-

лосами света и тени, он откровенничал:

– В физическом плане Анна ничего особенного собой не представляет. Мне даже кажется, что я ее принуждаю к сексу.

В такие минуты я чувствовала себя триумфатором, но моя уверенность в себе, как оказалось, была ошибочной. Холодная отдаленность, отстраненность Анны интриговала Майкла, бросала ему вызов. Она оставалась для него чем-то вроде незавоеванного приза, недостижимой страной, которую он увидел только мельком, но так и не сумел покорить. Тогда как меня он выследил, заарканил, исследовал и привязал к себе – по большей части в совершенно буквальном смысле. Бывало, когда мы занимались любовью, Майкл накручивал на пальцы мои длинные светлые волосы и использовал их как поводья. Однажды в гостиничном номере он привязал меня за волосы к изголовью кровати, и потом пришлось пустить в ход мои маленькие рабочие ножницы, которые я обычно таскаю в сумке вместе с вышивкой, чтобы меня освободить, потому что он понаделал кучу жутких узлов.

Теперь, четыре года спустя, я вспоминаю этот случай особо: сегодня он представляется мне весьма подходящей метафорой, даже дурным предзнаменованием, если судить по итогу. Майкл завязал всю мою жизнь в чудовищный узел, а потом взял и отрезал меня от себя. Выпустил на свободу. Я злилась на него, даже бесилась, но все же была вынуждена признать, что сама по крайней мере не меньше виновата в

случившемся, чем он. В конце концов, мы с Анной дружили. Мне было стыдно перед ней за этот роман, за то, что я предала нашу дружбу. Но стыд – весьма неприятное ощущение, никто не любит с ним возиться. Занятость Анны на работе давала нам относительную свободу, тем проще оказалось ее обманывать.

В итоге я стала крупным специалистом по различным отговоркам и предложениям, чтобы избегать ненавистных tête-à-tête и ужинов втроем. Снедаемая угрызениями совести за свое предательство – день за днем, час за часом, – я обнаружила, что просто не в состоянии находиться в ее обществе. Анна же была очень счастлива, и только я одна знала правду, которая способна все это счастье обратить в руины.

Но теперь, когда у нас с Майклом все кончено, я не была уверена, что мне захочется снова ее видеть. На следующий день после нашего разрыва, истерзанная ночными рыданиями, я уехала из Лондона на южное побережье, чтобы недельку полазить по тамошним скалам, ощущая желание броситься с одной из них вниз головой, но так и не находя в себе достаточного мужества, чтобы это проделать. Свой мобильник я оставила в Патни, чтобы не позвонить ему, если вдруг ослабею духом. Вместо этого, бездумно бродя по тропинкам, как механическая кукла, не обращая внимания на потрясающие виды, я полностью погрузилась в обдумывание новой вышивки, которую собиралась начать уже несколько недель. Это был настенный коврик, и поэтому в качестве основы

нужно было взять прочный льняной твил, а вышивать цветной шерстяной пряжей, а не шелком. Подобная работа еще со времен королевы Елизаветы и короля Якова I называется «круил» – это от старо-валлийского слова, означающего «шерсть». Очень подходящее название. Мне предстояло провести много горьких дней и горестных часов над вышивкой, все время прокручивая в голове этот неудачный каламбур¹¹.

Жестокий мир, жестокая судьба, как это жестоко – быть добрым, жестоко и безжалостно... нет, лучше не продолжать. Я уже наметила на ткани контуры переплетающегося узора простым карандашом – стилизованные листья аканта с мелкими яркими цветками.

Очень традиционный стиль, заимствованный с образцов фламандских гобеленов из Вердура, которые я видела в Музее Виктории и Альберта. Изящно вышитые листья, фон, заполненный мелкими стежками, навеянными тончайшей работой, встречающейся в венецианских кружевах, вязанных на спицах. Коврик должен был быть довольно большим, чтобы полностью закрыть место на стене моей спальни, где раньше висела превосходная фотография Майкла в рамочке. Ее я торжественно сожгла в садике на заднем дворе, прежде чем уехать на юг, но на стене осталось раздражающее меня пятно, которое служило напоминанием об отсутствии и этого

¹¹ Игра слов: *stewel* (англ. – тонкая шерстяная нить или ткань) звучит почти так же, как *scuel* (жестокий, безжалостный).

мужчины, и этой фотографии.

Вышивание – малоподходящее занятие для такого рассеянного человека, как я. Но меня привлекает точность выполнения работы, иллюзия полного контроля над своими действиями, которую оно дает. Занимаясь вышивкой нового рисунка, я уже не могу думать ни о чем другом. Вина, печаль, горечь – все чувства летят прочь, оставляя лишь прекрасный маленький мирок, этакий микрокосм. Посверкивание блестящей иголки, разнообразные оттенки ниток, успокаивающая точность движений, строгая дисциплина. Именно этот настенный коврик и спас мой рассудок в дни, последовавшие за нашим разрывом.

Через неделю я вернулась в Лондон, несколько успокоившаяся, восстановившая силы. И обнаружила, что автоответчик моего телефона подает яростные сигналы. «У вас двадцать три новых сообщения», – проинформировал механический голос. Сердце подпрыгнуло. Может быть, Майкл изменил свое решение насчет разрыва, может, он снова хочет меня видеть? Но я тут же отвергла подобное предположение. Он настоящий сукин сын, и все кончено. Чтобы сжечь мосты, я стерла все эти сообщения. Если даже там было что-то важное, позвонят еще раз – так я решила. Понимала: если я всего лишь услышу снова голос Майкла, моя решимость тут же рассыплется в прах.

Я прошла в спальню, где все по-прежнему валялось в беспорядке: постель не застелена, одежда разбросана по всей

комнате. Я сложила вещи, забила бельем стиральную машину и занялась уборкой постели.

Книга, что мне подарил Майкл, лежала среди простыней. Ее очень приятно было взять в руки – мягкая телячья кожа казалась теплой на ощупь, словно живое существо. Я открыла ее наугад, осторожно листая старинную бумагу, и тут же наткнулась на образчик узора для наволочки: изящный повторяющийся мотив переплетающихся лозы и виноградных листьев, предназначенный для вышивки «двухсторонней цветной гладью», которая, как полагал автор, «будет лучше всего выглядеть на чепце или сорочке или на кромке носового платка». Продолжение инструкции было скрыто под неуклюжими надписями, сделанными карандашом. Рассердившись, я поднесла книгу поближе к прикроватной лампе и стала изучать текст под ярким желтым светом.

Кто-то сделал записи по всей странице мелким старинным почерком. С удлинненными *s*, больше похожими на *f*, завитушками и прочими штучками в таком же роде. Читать этот текст было трудно, к тому же он в некоторых местах был заляпан кляксами или выцвел, но из того, что я сумела разобрать, выходило, что к вышивке эти записи не имеют никакого отношения. А даже если и имеют, то их автор грешил незнанием орфографии, а также явной склонностью к сюжетам и узорам, связанным с кровью и смертью. Я достала из бюро увеличительное стекло, принесла блокнот и собственный карандаш, перевернула титульный лист и начала делать

нечто вроде перевода того, что обнаружила.

Нынешний день 27 мая года Божьей милостью 1625-го отмечен начальным событием – смертью нашего короля Якова, а также двенадцатым днем рождения его верной служанки Кэтрин-Энн Триджинны.

Мине нужно вознести за это хвалу Господу и ищю за полученную в подарок от моего кузена Роберта книгу и грифельный стержень для письма, каторым, он говорит, я магу записывать сваи узоры и образцы. Так я и буду делать, а ищю, как мая хозяйка леди Харрис, владелица Кенджи-Мэнора, буду висти здесь записи своих размышлений, патаму что ана всегда говорит, что это доброе дело и хорошая задача для ума, если так упражняться в письме...

Глава 4

Кэтрин

Июнь 1625 года

Мэтти разбудила ее сразу после восхода.

– Спускайся в зал, – сказала она. – Пришел Джек Келлинч вместе с Томом Сэмюэлсом и твоим кузеном Робом.

– С Робертом? – Кэт поморгала, еще полусонная, и резко поднялась. Бледный свет пробивался сквозь занавески, которые она сшила из старой нижней юбки, чтобы прикрыть щелястое окошко мансарды. – Чего это Роб связался с этими мошенниками?

Мэтти скорчила гримаску:

– Не говори так, они хорошие парни.

Братья Келлинч владели суденышком для ловли сардин, оно стояло в Маркет-Джу. Иногда они выходили в море вместе с другими рыбаками и возвращались с сетями, полными рыбы, но чаще всего просто исчезали на многие недели неизвестно куда, возвращались с хитрющими улыбками на лицах и сразу начинали заигрывать с нашими девчонками, похва-

ляясь заморским золотом.

Мэтти сохла по Джеку; Кэт считала его подонком и дураком, хотя и красавчиком. Том Сэмюэлс не имел даже таких достоинств; он мог похвастаться разве что единственной бровью, черной и вечно нахмуренной, – она пересекала весь лоб.

– Контрабандисты и мошенники, вот кто они такие, – засмеялась Кэт.

Но Мэтти уже вышла. Кэт слышала ее шаги, тяжело отдававшиеся по половицам коридора, потом с грохотом считавшие ступени лестницы. Сэр Артур и леди Харрис жили в тихом западном крыле дома; а слуги – здесь, в восточном, куда доносился шум с молочной фермы. Если бы Мэтти не разбудила ее, то подняли бы с постели собаки и петух. Кэт вылезла из постели. Грубое темно-зеленое рабочее платье и корсет были развешены на спинке единственного стула, холщовые чулки лежали поверх, словно пара ног без плоти. Времени на шнуровку и затягивание не было. Кэт лишь одернула рубашку и схватила шаль – суетность, конечно, но это была ее лучшая шаль ручной работы: перекрещивающиеся ветви цветущего шиповника, вышитые тончайшей шерстяной нитью.

Зачем заявился Роберт, да еще в такую рань? Она знала, что леди Маргарет Харрис тепло относилась к ее кузену и поощряла его визиты, гораздо более частые, чем того требовали его обязанности на ферме. Вечно со спутанной копной волос цвета спелой пшеницы и с яркими синими глазами,

Роберт выглядел весьма неплохо, возвышаясь над хозяйкой поместья на добрые пятнадцать дюймов. Он был выше большинства парней; леди Харрис подшучивала, утверждая, что он происходит от гигантов из Карн-Бреа, которые в давние времена утаскивали пленников высоко в горы и приносили в жертву на огромных плоских камнях, а золото и драгоценности несчастных потом прятали в глубоких пещерах под землей. Но Кэт никогда не могла себе представить, чтобы ее добрый и ласковый кузен мог взять кого-то в плен, не говоря уж о том, чтобы вышибить несчастному мозги на этих валунах.

Так что его появление в компании Келлинча и Сэмюэlsa выглядело весьма странным, да еще в такой час, когда хозяйка еще в постели.

Замирая от любопытства, девушка сунула ноги в холодные туфли и устремилась к лестнице. Внизу она обнаружила, что Мэтти и Большая Грейс, коровница с молочной фермы, стоя в коридоре у двери в зал, подсматривают в щелку. Изнутри доносились мужские голоса, а еще острый запах пива и дыма от кухонного очага. Один из парней тихо сказал что-то, Кэт не разобрала. Девушки напряженно прислушивались. Грейс сжала руку Мэтти, потом они обменялись испуганными взглядами. Кэт улыбнулась и осторожно, на цыпочках ступая по каменным плитам пола, подошла к ним и положила руку на плечо Мэтти, чтоб удержать равновесие и тоже заглянуть в зал. Мэтти издала тонкий визг, словно кролик, попавшийся в пасть лисице.

Джек Келлинч рывком распахнул дверь. Он был узок в кости и темноволос, кожа смуглая и яркие глаза испанца. Его мать в свое время сняли с торгового корабля, что разбился возле Манаклса, вместе с грузом крепленого вина, сундуком золотой и серебряной посуды и рулонами восточных шелков, предназначенных для старой королевы Елизаветы. Шелк и большая часть посуды отправилась дальше к ее величеству, а вино самым таинственным образом исчезло вместе с дочерью испанского купца.

– Так-так, Мэтти, – сурово сказал Джек. – Тебе-то должно быть хорошо известно, что подслушивание никогда не доводит до добра.

Мэтти покраснела как маков цвет и устоялась в пол, не в силах вымолвить ни слова. А Большая Грейс только и могла, что держать Мэтти за руку, округлив от ужаса глаза. Ей было всего тринадцать, она была несколько туповата и мелковата, несмотря на свою кличку.

Кэт выступила вперед.

– Что это ты тут делаешь, Джек Келлинч? Мэтти и Грейс как раз на своем месте, они служат в этом доме. А вот ты, насколько мне известно, не состоишь ни на какой честной службе, и тебе нечего делать в нашем доме в столь ранний час!

Келлинч оглядел ее с головы до ног с весьма саркастическим выражением лица.

– У меня тут важное дело, и оно совершенно не касается

какой-то там девицы, да еще и датчанки¹².

Кэт отбросила за спину гриву рыжих волос, из-за которых и получила это незаслуженное и оскорбительное прозвище, и прошла в зал, готовая как следует отчитать кузена Роберта за вторжение в дом этих негодников. Но в затянутом дымом и освещенном огнем камина зале оказалось три человека: не только Роберт Боито и Томас Сэмюэлс, как она ожидала, которые сидели у стола, но и третий, что стоял в темном углу, прислонившись к стене. На нем были пропыленный дорожный плащ и перемазанные грязью сапоги. И лишь когда мужчина сделал шаг вперед и на него упал свет лампы, Кэт поняла, что это сам сэр Артур Харрис, хозяин поместья. Его лицо было мрачным.

– Эти люди здесь по моему приглашению, Кэтрин. Они принесли мне нужные сведения.

Кэт растерянно присела в реверансе. У нее вдруг закружилась голова.

– Прошу прощения, сэр, я думала, что вы в Маунте...

– И это дает тебе право появляться перед посторонними людьми полуодетой?

На это нечего было возразить, поэтому Кэт промолчала, отведя взгляд как раз вовремя, чтобы заметить, как Роберт тербит свою шляпу, пытаясь прикрыть какой-то предмет, отсвечивающий серебром на темном фоне дубовой столешницы.

¹² В Средние века в Англии всех викингов-скандинавов называли датчанами.

Когда же она подняла на кузена растерянный взгляд и посмотрела ему в лицо, Роберт посмотрел на нее в ответ яростно и многозначительно. Уходи отсюда, велели ей его синие глаза. Девушка потопталась на месте, пробормотала: «Извините меня, сэр», – и выбежала из зала.

Она ощущала спиной взгляд Джека Келлинча; что еще хуже, этот взгляд провожал ее весь путь по лестнице наверх.

* * *

– Так, Кэтрин, – Маргарет Харрис говорила самым резким тоном, на который была способна, – муж сообщил мне, что ты неприлично себя вела нынче утром. Появилась перед его гостями чуть ли не в одной рубашке! Он просил меня поговорить с тобой. Нам в Кенджи ни к чему скандалы, а я обещала твоей матери, что буду присматривать за тобой как родная.

Кэт при упоминании о своей матери подняла голову. Ее отец, Джон, под командой сэра Артура служил в гарнизоне в Сент-Майклз-Маунте. Он умер от чумы, которая два года назад свирепствовала в здешних краях, оставив Джейн Триджинну и ее дочь без гроша. Ходили слухи, что мистрис Триджинна по какой-то причине стала бесплодной, потому что после рождения Кэтрин у нее больше не было детей. Сама же Кэт считала, что просто ее родители разлюбили друг друга. Леди Маргарет Харрис предложила им обеим место в своем

доме, но Джейн Триджинна, видимо, считала себя слишком высокородной, чтобы прислуживать. Вместо этого она переехала к своему брату Эдуарду, у которого был хорошо обустроенный дом в Пензансе, оставив Кэтрин на попечение хозяйки Кенджи-Мэнора. Девочке предложили не только щедрое жалованье горничной, но и возможность получить образование, а также поддержку, невиданную для девицы столь скромного происхождения. Кэт знала, что мать питает в отношении нее самые невероятные надежды; она, кажется, положила глаз на одного из мальчишек Харрисов. И если сейчас она потеряет свое место в Кенджи-Мэноре, ей до конца жизни придется терпеть острый язычок Джейн Триджинны.

– Простите, мадам. Я не хотела никого оскорбить. Мэtti... я просто услышала шум внизу и решила, что у нас какие-то незваные гости...

– Спускаться вниз в полуголом виде, чтобы выяснить, в чем дело, отнюдь не кажется мне самым умным решением. Если бы там, внизу, оказались какие-нибудь негодяи или разбойники, ты подвергла бы себя большой опасности, а я как твоя опекунша оказалась бы в крайне затруднительном положении. Понимаешь?

Кэт медленно кивнула.

– Но, миледи, я вовсе не была в «полуголом виде». Я накинула поверх рубашки шаль, чтобы соблюсти благопристойность. Клянусь вам!

Хозяйка Кенджи улыбнулась:

– И это, несомненно, была твоя самая лучшая шаль. Да, Кэтрин, та самая, с вышитыми цветами?

Кэт покраснела.

– Да, мадам.

Маргарет Харрис молча оглядела девушку с головы до ног. Кэт уже исполнилось девятнадцать, и она была весьма привлекательна, несмотря на волосы такого неудачного золотисто-рыжего оттенка. Ее мать, Джейн Триджинна, была маленькой и темноволосой, к тому же здорово иссохла от жизненных передряг; умерший отец был вечно всем недовольный, раздражительный мужчина с каштановыми волосами и мелкими чертами лица, типичными для сел округа Лизард (где, как всем отлично известно, жители ходили на четвереньках, пока поблизости не разбился заморский корабль и его экипаж не поселился в тех краях, начав улучшать тамошнюю породу). Неудачный это был брак – возникло даже подозрение, что молодых сосватали в большой спешке, под давлением определенных обстоятельств; Джейн происходила из Кудов, хорошей старинной корнуоллской семьи – уважаемой, с глубокими корнями и превосходной репутацией.

А все Триджинна были фермерами из Вериана и Тригира; Джон был третьим сыном и не имел ни земли, ни какого-либо дохода. Именно поэтому он и пошел служить в милиционную армию. Не самая лучшая партия для хорошенькой девушки из солидной семьи, и, конечно же, ничто во внешности родителей не объясняло наличие у Кэтрин рыжих, как

лись шерсть, волос, длинных рук и стройных ног. Девятнадцать – опасный возраст. Девушку пора было выдавать замуж, и поскорее. Леди Харрис уже обратила внимание на то, как ее собственные сыновья, Уильям и Томас, поглядывают на Кэтрин, когда она проходит мимо.

– Ты виделась нынче со своим кузеном?

Кэт нахмурилась:

– Да, мадам.

Маргарет Харрис разгладила юбку.

– Он хороший работник, твой кузен Роберт. Сэр Артур не раз это говорил. Так что меня вовсе не удивит, если муж предложит ему место управляющего имением, когда старый Джон Парсонс уйдет на покой. – Она внимательно следила за лицом девушки, ожидая ее реакции. – Конечно, он гораздо быстрее добьется успеха, если обоснуется здесь и обзаведется семьей. – Последние слова она произнесла с особым нажимом.

– У Роберта здесь много родственников, – рассеянно отозвалась Кэт. – Болито и Джонсов можно найти чуть ли не в любом селении и на любой ферме от Галвала и Бэджер-Кросса до Олвертона и Пола. Он никогда не уедет отсюда, не так уж он честолюбив.

– Я не совсем то имела в виду, – спокойно пояснила леди Харрис. – Он добрый и способный молодой человек и может составить превосходную партию любой деревенской девице. – Она уперлась в Кэтрин твердым взглядом своих бле-

стоящих серых глаз.

– Ох! – Кэт уставилась на разноцветный ковер, лежавший между ними, – турецкий ковер, как называла его хозяйка. Он был выткан из шерсти ярких оттенков, великолепное сочетание узоров кремового, ярко-красного и темно-коричневого цветов, и восхитительно, прямо как живое существо, выделялся на серо-буrom фоне всего остального, что имелось в этой комнате: стен, отделанных деревянными панелями, пола из гранитных плит, тяжелой темной мебели. Кэт отдала бы собственный зуб за такую шерсть, чтобы что-нибудь ею вышить. Какие же они, должно быть, прелестные, эти ковры и вышивки с Востока! Как ей хотелось на них поглядеть! Но вряд ли ей такое удастся: по всей видимости, она никогда не сможет даже приблизиться к ним, как сейчас ступить на ковер. Девушка подняла голову и посмотрела хозяйке прямо в глаза.

– Мой кузен – хороший человек, и я люблю его так, словно он мне родной брат, – твердо сказала она.

Леди Маргарет решила, что момент не самый подходящий, чтобы продолжать этот разговор, но про себя определила: еще до исхода лета Кэтрин Триджинна станет Кэтрин Болито.

Роберт зашел к ней в тот же день, попозже.

– Ты не прогуляешься со мной, Кэт? – спросил он.

Было четыре пополудни. Леди Харрис вместе с дочерьми, Маргарет и Эллис, отправилась в Тривейлор с визитом к пре-

подобному Вилу и мистрис Вил. Уезжая, она улыбнулась и дала своей горничной понять, что до их возвращения и ужина у нее нет никаких особых дел и поручений.

Кэт прикрыла глаза рукой, глядя через сад и двор на открытый ландшафт, расстилавшийся дальше. От вод далекой гавани отражались, поблескивая, лучи солнца, превращая вершину Маунта в сказочный замок. Высоко в небе над холмами, в той стороне, где располагался Лескаджак, в потоках теплого воздуха лениво парила пустельга в надежде выследить кролика или мыш-полевку.

По небу тянулись перистые облака; погода обещала и завтра быть отличной, и легкий бриз чуть шелестел листвой сикомор и дубов, что одевали пышной зеленью всю долину Роузморран. Кэт не находила причин отказать Роберту, да и не хотела их искать. По правде сказать, нынешним жарким летом хозяйский дом казался ей чересчур душным, а Роберт – вполне приличный кавалер для прогулки. Она не испытывала желания выходить за него замуж, но, если ее увидят на прогулке в обществе кузена, это определенно не нанесет ущерба ее чести. Кроме того, Кэт очень хотела выяснить, что именно мужчины обсуждали нынче утром в зале столь таинственным образом.

Она перевела взгляд на кузена. Роберт смотрел на нее совершенно таким же взглядом, каким пустельга исследовала окрестности в поисках кролика: голодным. Синие глаза внимательно изучали ее лицо, замечая все отражавшиеся на нем

эмоции.

– Спасибо за приглашение, Роберт, – ответила она наконец, растягивая слова. – Это будет просто чудесно. Пожалуйста, подожди, пока я переоденусь.

На полпути вверх по главной лестнице Кэт задержалась возле небольшого окошка и выглянула наружу, но увидела только, что кузен мнет в руках свою шляпу так, словно сворачивает шею цыпленка. Потом он напялил ее себе на голову, снова снял, сунул в карман и вытер вспотевший лоб огромным цветастым платком.

У себя в комнате девушка не спеша сняла рабочее платье и надела очень миленькую белую нижнюю юбку из хлопка, отделанную фламандскими кружевами. Кэт купила ее на ярмарке в Пензансе, потратив те небольшие деньги, что остались после того, как бóльшую часть своих заработков она отослала матери. Поверх синего верхнего платья со шнуровкой спереди и с широким белым льняным воротником она накинула шаль, расшитую узорами из переплетающихся цветов и листьев, выполненными тонкой шерстью «круил».

Было, конечно, жалко портить весь эффект от этих нежных пастельных тонов, сочетая их с тяжелыми кожаными башмаками, но даже тщеславие не заставило бы Кэт изгадить свои единственные атласные туфельки, отправившись в них гулять по полям. Вздохнув, она туго зашнуровала башмаки и аккуратно мазнула розовой водой по шее и груди, откуда ароматам под жарким солнцем нетрудно будет добраться от

ее кожи до носа бедняги Роберта.

Когда она наконец появилась, молодой человек нетерпеливо расхаживал по каменным плитам, но у него вполне хватило ума не бранить ее за задержку. Гораздо более уместным оказалось его восхищенное признание:

– Ты очень хорошо выглядишь, Кэт.

За это Роберт получил улыбку, но и уточнение:

– Не Кэт, а Кэтрин.

У него вытянулось лицо. Она почти физически ощущала, как изменилось его выражение, словно спиной чувствовала взгляд, упершийся ей между лопаток. Кэт направилась в сторону аллеи, что вела мимо домиков вокруг фермы.

– Пойдем к Касл-ан-Дайнас, – бросила она ему, обернувшись. – Мне бы надо немного проветриться.

– А ты дойдешь? Это ведь далеко...

– У меня есть пара ног, если ты не заметил, – резко ответила она. И ускорила шаг, размахивая руками.

Он, конечно, давно это заметил. И мысль о ее ногах заставила его поежиться. Роберт уже почти бежал за ней.

– Мне нужно вернуться к заходу солнца, чтобы помочь Биллу управиться с коровами.

– Тогда не будем тратить время на пустую болтовню, – заявила Кэт. И пошла дальше, свободно размахивая своими юбками.

Они вышли на тропинку, что тянулась через луга в сторону Гарисса и Хеллангроуа. В зарослях травы вокруг там и

тут виднелись цветы бальзамина, скабиозы и поповника, как упавшие звездочки. Кэт представила себе, как стала бы вышивать их: маленькими крестиками желтого, синего и белого цвета на изумрудно-зеленом фоне.

Слева поле понемногу поднималось вверх, уходя через заросли ежевики далее к заросшим лесом холмам, звенящим от птичьих голосов. Кремовые головки бутеня и камнеломки украшали живые изгороди, и тепло длинного летнего дня наполняло воздух горячим перечно-острым ароматом разнотравья с привкусом дикого чеснока. Впереди поднималась громада Галвал-Даунс, вся золотистая от покрывавших ее зарослей утесника. Вверху, невидимые, изливали свои песни в лазурное небо жаворонки. Кэт оглянулась на своего кавалера, который был явно не в настроении и сбивал головки самых высоких цветов ивовым прутом.

– Вперед, увалень! У тебя что, сапоги свинцом налиты?

И девушка припустилась бегом, как настоящий сорванец, как непременно обозвала бы ее мать, если бы могла сейчас увидеть.

Минут сорок спустя они взобрались на вершину холма и угодили в объятия южного ветра, дующего с моря, пригибающего к земле траву и волнующего заросли утесника и боярышника. Ветер растрепал и спутал волосы Кэт, отбрасывая их то вперед, то назад, и она присела на пирамиду из гранитных валунов, сложенную посреди устроенного здесь земляного укрепления. Построенное столетия назад, оно давно

развалилось и поросло травой, но все же контуры древней крепости и теперь окружали Кэт со всех сторон, как бы защищая и прикрывая, и она сидела посреди них, словно на ладони былых времен. При взгляде на нее у Роберта заныло сердце.

– Ты сейчас прямо как королева воинов на своем троне. Сиди так, не шевелись...

Кэт обернулась к нему, а он уже бежал куда-то прочь, пока не скрылся из виду. Девушка недовольно нахмурилась, но потом перевела взгляд на сверкающую полосу моря, простирающуюся вдаль, до самого края земли, как сейчас казалось.

Что там, подумалось ей, – там, за горизонтом? Несомненно, какие-нибудь чудеса, бесценные сокровища, но и чудища, которых и представить себе невозможно, экзотические земли и страны, где живут совсем иные люди и жизнь совсем другая, где женщин с умом и честолюбием не принуждают заниматься только уборкой и штопкой, да еще кормежкой цыплят...

Вернулся Роберт, прервав ее раздумья. В руках он осторожно нес нечто очень милое: венок из цветов утесника и шиповника и маленьких побегов папоротника, искусно сплетенный таким образом, что золотистые цветы выглядели из острых листиков, словно драгоценные камни.

– Корона для королевы, – объявил он, упав на колени и протягивая ей венок. Солнце плеснуло лучом прямо ему в синие глаза, и взгляд засиял лазурью неба.

– Ну что же, тогда коронуй меня, – сказала девушка повелительным тоном, хотя его порыв ей явно польстил.

Он поднялся с колен и осторожно возложил венок ей на голову, а ветер в этот миг поднял прядь ее волос и заставил развеяться, прямо как яркий вымпел. Роберт поймал локон и накрутил на пальцы, наслаждаясь шелковистостью волос и их огненным блеском.

– Эту крепость построили во времена короля Артура для защиты от датчан. Мне кажется, ты сейчас выглядишь как боевая добыча, выкраденная с корабля этих королей открытого моря, – сказал он, улыбаясь. – Ты ведь совсем не такая, как все мы, настоящие корнуолльцы.

Раздраженная его намеком, Кэт вырвала у него свою прядь волос.

– А зачем мне быть такой же, как вы, настоящие корнуолльцы? Корнуолл – маленькое бедное графство, полное разбойников и идиотов, да еще глупых суеверных старух!

Роберт явно обиделся:

– И кто же тогда я? Разбойник или идиот?

Кэт недовольно пожала плечами, не желая отвечать на его вопрос.

– Что это вы там обсуждали с хозяином нынче утром?

Роберт отвел взгляд.

– Да так, ничего особенного. Джек и Том принесли ему кое-какие сведения, вот и все.

– Сведения о чем?

– Ну, про море и корабли. В таком роде.

– Море и корабли? С какой это стати сэру Артуру вдруг понадобились сведения о море и кораблях? Кроме того, ты забыл еще кое-что: я сама видела, как ты что-то прятал!

Но Роберт не поддался.

– А отсюда и Карн-Галвал видно, – задумчиво произнес он, глядя на угрожающе вздымавшиеся в небо зазубренные гребни. – Кресло Великана. Я и не знал, что его отсюда можно разглядеть. – Роберт обернулся к ней. Ветер развевал светлые волосы, и они вились вокруг широкого, открытого лица. – И Тринкром видно, и Тригонинг, и Годолфин-Хилл. Ничего удивительного, что вождь, который построил здесь крепость, выбрал именно это место. – Он ладонью прикрыл глаза от солнца. – Сейчас даже острова Силли разглядеть можно! Да, тутошний народ трудненько было захватить врасплох, откуда бы ни пришли враги, с суши или с моря! Говорят, тогда тут жгли сигнальные костры по всему побережью, от Маунта досюда и до Тринкрома и Карн-Бреа, а потом и дальше, до Сент-Эгнис-Бикона, до Грейт-Стоуна на Сент-Беллармин-Тор, а оттуда до Кэдбэрроу, Раф-Тора и Браунуилли, всю дорогу до самого Тинтэджела. Это было предупреждением для короля, что сюда явились захватчики. Король Артур и еще девять королей бросились к Лэндз-Энду и добрались туда ускоренным маршем за два дня. И дали им бой возле Виллан-Дракара. Много народу погибло. Говорят, тамошнюю мельницу крутил поток крови, а не воды. И ни

один датчанин не ушел.

– Жаль, что его не было тут, когда испанцы напали на Маусхоул и Ньюлин, – заметила Кэт.

Ее дядя был среди тех, кто под командованием сэра Фрэнсиса Годолфина выступил против испанцев в тот памятный день в июле 1595 года, когда те разграбили селение Маусхоул и сожгли церковь в Поле. Корнуолльцев было мало, они были плохо вооружены, так что пушки с испанских галеонов принудили их отступить и ждать подкреплений, а высадившиеся испанцы тем временем сожгли бóльшую часть домов в Ньюлине и Пензансе. Люди того поколения, к которому принадлежали родители Кэт, все еще говорили об этом случае приглушенными голосами: для них это нападение до сих пор было оскорблением, невиданной мерзостью. Как могло такое случиться, что чужеземные солдаты посмели ступить на землю Корнуолла уже после славного разгрома Непобедимой армады, после поражения, нанесенного испанцам парнями из западных графств Англии?

– Однако, – заметила девушка, бросив на Роберта острый взгляд, – ты так и не ответил на мой вопрос!

Молодой человек уставился в море, сжав челюсти.

– Ты пользуешься книгой, которую я тебе подарил? – Он сменил тему.

– Да. Очень мило с твоей стороны, что ты вспомнил, как мне понравилась эта книга леди Харрис. Очень здорово и приятно иметь свою собственную, – несколько скованно ска-

зала Кэт. – Некоторые образцы очень красивы, и я уже придумала несколько новых вариаций узоров на их основе. Хозяйка меня очень хвалила.

– Вот и отлично. Очень рад слышать, что ты совершенствуешься в своем искусстве.

– Я намерена стать мастером и вступить в гильдию!

Роберт невольно улыбнулся:

– И как же ты собираешься это проделать, торча тут, в мрачных закоулках Корнуолла? А, Кэтрин? Боюсь, география против тебя. И еще: Бродерерз-Гилд – это гильдия для мастеров вышивки, а не для мастериц. Не для маленьких девочек, как бы искусно они ни умели работать иглой.

– Стало быть, ты мне эту книжку подарил только для того, чтоб меня унижить?

Роб взял ее руку и сжал пальцы между ладонями.

– Да что ты, Кэт! Можешь мне поверить! Я страшно горжусь, что ты получила заказ на вышивку от самой графини Солсбери!

Кэтрин отдернула руку, словно обожглась.

– Откуда ты узнал? Мне велели никому об этом не говорить.

– Леди Харрис как-то обмолвилась. Просто не могла сдержать своей радости. Вышивать на престольную пелену для домового церкви семейства Хауардов – это величайшая честь! И наша госпожа очень довольна, что ей удалось убедить графиню доверить столь престижный заказ корнуолл-

ской девушке!

Кэт покраснела и прикусила губу.

– Это огромная ответственность! Я никогда не вышивала такую большую вещь и не выполняла таких важных заказов. И я еще даже и не знаю, как за нее приняться.

У Роберта брови взлетели на лоб:

– Ты сама хочешь придумать узор?

– Конечно! – Кэт в упор уставилась на кузена, словно бросаая вызов и предлагая поставить под сомнение ее право на подобное решение.

Это было неслыханно: чтобы женщина взяла на себя труднейшую задачу придумать орнаментальное оформление столь крупного изделия. Обычно подобную работу выполнял мастер-мужчина. Роберт поэтому и приобрел для нее эту книгу: чтобы помочь Кэт в работе, облегчить труд, дав ей возможность скопировать узоры, разработанные настоящими мастерами. Всем известно, что женщины не обладают способностями к абстрактному мышлению; в этой сфере, как и во многих других, мужчины диктуют, а женщины исполняют.

Роберт предполагал, что, когда леди Харрис рекомендовала графине свою протеже для вышивки на престольной пелены для алтаря церкви Хауардов, была также достигнута договоренность, что Кэт выступит в роли подмастерья, будет вышивать узоры, разработанные настоящим мастером-вышивальщиком из тех, что зарабатывают себе на жизнь, переез-

жая с место на место, нанимаясь на службу в дома знати и продавая им свои изделия. Наверняка так оно и было на самом деле, только вот, к сожалению, Кэт об этом забыли сообщить. И однажды, подумал он, бедняжка осознает границы своих возможностей, что будет для нее ударом. Он надеялся, что вовремя окажется рядом, чтобы помочь.

– Ну, если ты так в себе уверена... – спокойно сказал Роберт.

– Совершенно уверена. Но пока у меня не появится четкий план, я не стану ни с кем эту работу обсуждать. Давай-ка лучше вместо этого поговорим о клинке, который нынче утром лежал на столе у нас в зале, об этом здоровенном кривом серебристом кинжале, который ты пытался прикрыть своей шляпой.

Роберт поперхнулся, пораженный.

– Хозяин велел, чтобы мы не говорили об этом ни единому человеку!

Кэт рассмеялась.

– Если ты этого еще не заметил, Роберт Болито, я не просто человек, я еще и женщина.

Она наблюдала за его реакцией, не мигая и не отводя глаз, как настоящая кошка.

Роб тяжело вздохнул.

– Только, Бога ради, ни слова Мэтти, а то еще до завтрашнего рассвета об этом будет знать все графство, – предупредил он.

Кэт перекрестилась, враз став серьезной:

– Клянусь прахом отца!

– Ты знаешь это судно из Ньюлина – «Констанс»? Оно ушло в море с неделю назад.

Кэт кивнула:

– Команда из восьми человек, включая Илайиса, кузена Нэн Саймон? Так оно вернулось? Все живы? Нэн с ума сходила от беспокойства...

Роберт покачал головой:

– Нет, новости плохие. Сегодня утром «Констанс» обнаружили на камнях напротив Маусхоул возле острова Сент-Климентс. Джек и Том были там... по своим делам. Они и заметили судно в тумане. На борту не было ни души, паруса обвисли, сети не размотаны.

Кэт нахмурилась.

– Но на прошлой неделе стояла отличная погода! Никаких волн, чтобы перевернуть даже лодку!

– И уж конечно, не такое добротное судно, как «Констанс». Том говорит, что у него все борта побиты, но это, наверное, от ударов о скалы. А вот Джек клянется, что планшир расколот чем-то вроде абордажного крюка или кошки.

У Кэт расширились глаза.

– А кинжал?

– Застрыл между досками в носовой части...

– Я такого клинка никогда в жизни не видала.

– Я тоже, и мне это совсем не нравится.

– А что говорит сэр Артур?

– Говорит, в последнее время участились нападения частных каперов на наши корабли – возле южного побережья; но до сего времени атакам подвергались только одиночные купеческие суда – их грабили, забирали все грузы. Ничего необычного в этом нет: Господь свидетель, что наши ребята тоже повинны в нападениях на французских и испанских купцов. Только я совершенно не могу понять, какой смысл нападать на рыбачью посудину, какой навар с этого можно поймать.

Кэт содрогнулась.

– Может, просто несчастный случай?

Роберт скорчил гримасу.

– Только непонятно, откуда на борту турецкий кинжал.

– Турецкий?!

– Честно, Кэт, я больше ничего тебе не могу сказать, не вызвав гнева нашего хозяина. Я и так уже слишком разболтался. Слухи в наших краях расходятся как пожар в лесу, а сэр Артур не хочет, чтобы поднялась всеобщая паника по поводу того, что вполне может оказаться лишь единичным случаем.

Девушка ухватила его за руку.

– Роб, значит, в наших водах появились турецкие пираты? – Глаза у нее сияли. – Какая... экзотика! Как бы мне хотелось увидеть хоть одного!

Роберт уставился на нее в полном недоумении:

— Ты это назло мне говоришь, а, Кэтрин? Я вот молю Господа, чтобы мне никогда в жизни не попался на пути подобный негодяй. Они же все равно что звери! Слыхал я разные истории... — Молодой человек помотал головой, по-прежнему видя любопытство и возбуждение на лице Кэт. — Нам вообще-то уже пора возвращаться. День клонится к вечеру, и я должен отвести тебя домой. Мне еще предстоит удовольствие пообщаться с коровами, а у тебя, без сомнения, найдутся какие-нибудь дела по возвращении мистрис Харрис; и вообще, хватит болтать о пиратах.

Кэт сняла с головы венки. Когда вновь налетел ветер, девушка швырнула его в сторону моря, и оба смотрели, как он развалился и осыпал цветами прибрежный песок.

Глава 5

13 июня. Нынешний день отмечен жинитьбой нашего новавя короля Чарлза на Генриетте, принцессе Франции и Наварры; и еще рыбацкое судно «Констанс» было обнаружено у скал перед Маусхоул, команды на борту нету, снасти обрублены. Никто не знает судьбу этих моряков, но на носу между досок нашли застрявший там турецкий кинжал, и Роб заставил миня поклясться, что я никаму ни скажу пра пиратов или турков, а то ище пойдут слухи. Вот я и пишу здесь пра этот сикрет, в этой книге, и я адна пра него знаю. Я слышала, что турки – это черные люди с бритыми головами и очинь жестокие. Роб говорит, что они только что не звери, только сама я очинь хотела бы увидеть хоть аднаво такова...

Пораженная, я отложила книгу в сторону. Не знаю, что я ожидала в ней найти помимо образцов узоров и пояснений к ним, размышлений о сочетании оттенков ниток и видов стежков, которые следует использовать для того или другого дизайна, но внезапно распахнувшееся окно в прошлое было словно взгляд на спрятанное сокровище.

Я поймала себя на том, что гадаю, читал ли Майкл хоть одну из этих малограмотных выцветших записей, сделанных Кэтрин. Или же он лишь глянул на них мельком и решил,

что это просто потертости на бумаге; может, даже сбил цену на книгу, указав букинисту на эти недостатки, испортившие данный экземпляр? Я легко могла себе представить, как он делает это, указывая на дефекты, пусть небольшие, пусть вообразаемые, всегда рассчитывая получить скидку; это было одним из его способов экономить деньги. Вряд ли мне удастся припомнить все те случаи, когда я просто отворачивалась в раздражении, пока он нудно торговался с каким-нибудь жалким торговцем-лоточником или букинистом-оптовиком. Одна мысль о том, как он обшаривает свои любимые лавки букинистов на Сесил-корт, выискивая мне прощальный подарок, вызывала у меня тошноту.

Сколько же времени он готовился к нашему разрыву? И как давно они с Анной решили «восстановить отношения» — что вообще означает эта уклончивая фраза? Я представила себе эту пару: темноволосые, смуглые, очень похожего телосложения и элегантно слившиеся друг с другом. А если их новое сближение совпадало по времени с нашими свиданиями и продолжалось многие дни, может, недели или даже месяцы? Я бросилась в ванную, меня стошнило так, что глаза и нос начало буквально жечь от прилива желчи.

Когда я вернулась в кровать, чувствуя себя опустошенной, книга по-прежнему ждала меня. Рядом валялся мой блокнот, куда я стала переписывать дневник Кэт Триджинны. Я почти три часа рассматривала странное написание букв, изучала еще более странное правописание, незнакомое стро-

ение фраз, пришедшее из другого века. Заполнила шесть страниц своего блокнота, хотя мой почерк ни в коей мере не был столь же четким, как у этой юной вышивальщицы; в моих записях полно зачеркиваний, подчеркиваний, вопросительных знаков в тех местах, где я не смогла разобрать то или иное слово. Мои записи вряд ли будут представлять собой ценный артефакт четыре сотни лет спустя. Тем не менее, несмотря на разделяющее нас время, я уже ощущала прочную связь с этой Кэтрин-Энн Триджинной, и не только по причине нашей общей любви к вышиванию. Я тоже выросла в Корнуолле и тоже, как она, мечтала оттуда сбежать.

Открыв новую страницу, я написала сверху ее имя, а потом изобразила извивающуюся виноградную лозу, обведя ею заглавные буквы: примитивный узор для вышивки крестиком для начинающих, такой, с которого любая юная вышивальщица могла бы начать обучение работе с иглой. Может быть, и Кэтрин начинала с подобного: вышила собственное имя на образчике одноцветной нитью, а потом украсила его листьями и цветами. Мои познания в области искусства вышивки времен короля Якова подсказали мне, что маловероятно, чтобы девушка могла работать со сложными узорами, делая лишь первые шаги в этом ремесле.

Если Кэт происходила из бедной семьи, даже такой, которая стремилась занять более высокое социальное положение, она, по всей вероятности, была ограничена в своей работе использованием самых дешевых материалов: дерюги, меш-

ковины или грубой шерсти домашнего прядения, которую, скорее всего, ей самой приходилось красить с использованием растительных пигментов из собственного огорода либо соседней живой изгороди. Синий из вайды, красный из марены, желтый из луковой кожуры или раkitника... И конечно же, она не имела никакого доступа к прелестным и столь привлекательным моткам шелка, таким, какие я еще ребенком одержимо складывала в особую коробку, разложив по цветам. Эти нити так легко проскальзывали сквозь дырочки в канве, квадратные кусочки которой мы использовали на уроках рукоделия в школе.

Я закончила свой набросок и отставила от себя на вытянутой руке. И только сейчас заметила то, что было под самым носом: Кэтрин-Энн Триджинна; все начальные буквы – заглавные и образуют аббревиатуру КЭТ. Кэт. Я громко рассмеялась. Я уже думала, почему она звалась именно Кэт, а не Кейт или еще как-то; Кэт все-таки звучит гораздо более современно, это имя мало подходит для девушки семнадцатого века. И у меня внезапно возникло очень теплое чувство по отношению к этой давно умершей женщине, которая так легко и свободно вбросила в мир столь живое и милое прозвище, к тому же говорящее¹³.

Интересно, имелось ли у нее сходство с тотемным животным, имя которого она себе присвоила? Была ли она такой же чистенькой, всегда ухоженной и хитрой, всегда насторо-

¹³ От *англ.* cat – кошка.

же? Может, она и ходила так же, мягко ступая по всему дому, в котором служила, и тихонько улыбалась сама себе, потешаясь над глупостью окружающих?

Я вполне могла себе представить, как она, грациозно устроившись в огромном деревянном кресле на подушках, которые сама сделала, в потоке света, падающего из узкого окна, аккуратно накладывает стежок за стежком, вышивая хвостовые перья какой-нибудь райской птицы, – а может, это бордюр на скатерти, или кайма покрывала на кровать, или даже напрестольная пелена, о которой она мимоходом упоминала. Этот полученный ею заказ здорово меня заинтересовал. Как было бы здорово найти это сокровище, выяснить его судьбу и проследить весь процесс его создания, если он изложен на страницах книги.

Я любовно погладила покрывшийся за столетия бурными пятнами титульный лист книги. Тысяча шестьсот двадцать пятый год: почти четыре сотни лет назад. Вот мне уже тридцать шесть, и я не замужем: в семнадцатом веке мое положение вызывало бы лишь жалость да насмешки. Старая дева. Убогая неудачница. Никому не нужная, без достойного места в обществе. Практически то же самое, что и сегодня, и это, естественно, не вызывает у меня никакого восторга. Но что мне на самом деле известно о нравах начала семнадцатого века? В моем представлении эта эпоха являла собой довольно туманный период в промежутке между славными Тюдорами и Гражданской войной с последующей Реставра-

цией¹⁴. И я решила, что, перед тем как продолжить расшифровку записок Кэтрин, следует сделать усилие и побольше узнать об этом времени.

Я направилась к своему книжному шкафу поискать что-нибудь, что могло бы меня просветить на этот счет. Со времен колледжа там завалились кое-какие поэтические сборники и несколько пьес Шекспира с комментариями, справочники издательства «Пингвин» по литературе, несколько изданий по философии – ничего особо полезного.

На пыльной нижней полке другого шкафа, стоявшего в соседней комнате, я обнаружила подборку детских энциклопедических изданий, сохранившуюся, видимо, со школьных дней моей бабушки. Вытащила их и разложила на полу. Пахло плесенью и старой пудрой, теми самыми ароматами, которые ассоциировались в моем сознании с днями, проведенными в детстве в доме бабушки, где она проживала со своей ворчливой старшей сестрой. Интересно, это настоящий запах или я его себе вообразила? Может, это просто память так со мной играла, накладывая старые воспоминания на реальные предметы? Мне тогда страшно нравились эти энциклопедии, я часами могла разглядывать выдвижные раскладывающиеся картинки – разрезанное на части яблоко, лягушку, бабочку, паровоз, средневековый замок.

¹⁴ Тюдоры – королевская династия, правившая Англией с 1485 по 1603 г. Реставрация – восстановление на троне династии Стюартов после Английской буржуазной революции и гражданской войны – произошла в 1660 г.

Я полистала один из томов, обнаружив кучу длинных, подробных иллюстрированных статей по истории искусств, греческой мифологии, анатомии человека, о Троянской войне и об английской феодальной системе. Еще через два тома (после открытия пенициллина, животного мира саванны, Чосера и Галилея) нашла то, что искала.

Я поставила пять томов обратно, взяла шестой с собой в гостиную, уселась на обитую кожей софу и принялась читать.

Сорок минут спустя я уже была переполнена информацией. Книга, предназначенная для просвещения детей, оказалась чрезвычайно интересным и занимательным чтивом, полным удивительных подробностей. Я, конечно, знала, что король Яков I был сыном казненной Марии Стюарт, королевы Шотландской; однако чего я не знала, так это того, что жена у него была датчанка, а сам он прославился целой чередой фаворитов мужского пола; их было такое количество, что, когда он взошел на английский трон, все в открытую утверждали, что «Елизавета была королем, а Яков – королевой».

Не знала я и того, что Яков явился в Англию бедным и непопулярным, но с привычкой к экстравагантности и расточительности, что ввергло страну в огромные долги. В конце своего правления он направо и налево продавал титулы и земли и перестал платить жалованье флоту; и еще, утверждая свое полученное от Бога право поступать так, как ему вздумается, распустил парламент, чтобы не слушать крити-

ческих высказываний в свой адрес. Своего старшего выжившего сына Чарлза он попытался женить на испанской инфанте с богатым приданым, но Англия к тому времени была ревностно протестантской страной; католики-испанцы высокомерно отвергли предложение, и униженный Чарлз в конце концов женился на французской принцессе Генриетте-Марии. Это произошло за несколько месяцев до смерти его отца. В марте 1625 года в возрасте двадцати пяти лет он взошел на английский трон, будучи всего на шесть лет старше Кэтрин Триджинны.

Еще более интересным оказался тот факт, что главным советником короля Якова был Роберт Сесил, граф Солсбери. А ведь именно графиня Солсбери упоминалась в записях в связи с данным Кэт заказом! Вне себя от возбуждения, я снова обратилась к «Гордости рукодельницы».

10-й день июля. Нынчи самый тревожный день моей жизни, который может внести в душу полное смятение. Гнев Господень пал на меня, как будто в наказание за мою смелость и безрассудство, за то, что я возжелала для себя жизни получше. Я так разозлилась, что ни о чем больши ни магу думать. А ищо Нелл, жина Уилла Шигуайна, завет миня искусительницей и Вавилонской блудницей, а мистрис Харрис приняла ее сторону, а типерь ищо мой кузен заставил миня...

Глава 6

Кэтрин

Июнь 1625 года

Кэт провела ладонью по обложке «Гордости рукодельницы». Свет зари сочился сквозь окно, подчеркивая напряженное выражение ее лица и превращая красно-рыжие волосы в сияющий ореол. Она проснулась со странным ощущением: в голове вертелся готовый узор, словно выющийся побег плюща, хрупкий и мощный одновременно. Казалось, стоит ей только моргнуть, и он исчезнет, растворится в воздухе, а Кэт уже твердо решила, что так не должно случиться. Потому что, едва очнувшись ото сна, девушка поняла, что это за узор и чем он должен стать: ей как божественное откровение во сне явился готовый рисунок для напрестольной пелены.

Мысли о важном заказе и о свалившейся на нее ответственности терзали Кэт уже многие недели; девушку беспокоил не столько художественный, эстетический аспект предстоящей работы, сколько понимание того, что это реальный шанс вырваться из оков. Кэт втайне ото всех давно уже ле-

леяла надежду: если ей удастся хорошо исполнить на престольную пелену и графиня Солсбери останется довольна, то высокородная дама может забрать Кэтрин отсюда в свой роскошный лондонский дворец. Если представится подобная возможность, Кэтрин была готова бросить все: забыть о своем положении в Кенджи-Мэноре, покинуть Корнуолл и все, что с ним связано, и уехать не оглядываясь. Она с радостью променяет южные ветры и сверкающее море, поросшие утесником холмы и изъеденные лишайником гранитные скалы своей родины на жизнь в столице.

Ей до смерти надоели сплетни и подначки, обычные в Кенджи-Мэноре; надоело прислуживать леди Харрис – неважно, что хозяйка была мила и приветлива с ней. Кэт здесь было скучно. И еще одна мысль заставляла все внутри сжиматься от бессильного отчаяния: что кузен Роберт окажется лучшим из всех тутошних кандидатов в мужа, на какого она могла бы рассчитывать. Нет, она рождена для лучшей доли! Мать всегда ей это говорила, и она всем сердцем верила в лучшее.

Засыпая, Кэтрин думала о напрестольной пелене, основном мотиве рисунка, о материалах, которые нужно будет пустить в дело, и в течение ночи в ее мозгу, видимо, проходил сложный алхимический процесс, сведя страстное желание и вдохновение в готовый визуальный образ. Этот образ сверкал и светился перед глазами, но успеет ли она твердо его запомнить и подробно зарисовать до того, как он исчезнет?

Все будущее зависело сейчас от ее способности это сделать, и от подобной мысли руки начали дрожать.

Кэт глубоко вздохнула, набираясь решимости, и прошлась грифельным стержнем по листу бумаги, легким движением наметив изгибающуюся линию, тянущуюся сверху вниз. Первая линия на девственно-чистом листе разбила колдовские чары: девушка внезапно ощутила себя совершенно свободной. Кэт стала быстро намечать контуры древесного ствола – рука двигалась быстро и решительно, намечая одну ветвь, затем другую, а здесь они, извиваясь, пересекаются и переплетаются, образуя изящный контрапункт, словно споря друг с другом; пышные грозди листьев, россыпь ягод, бутоны, цветы. набросок расстилался, раскрывался перед ней, как побег молодого папоротника – изящный, весь из переплетающихся линий, – оригинальный, но при этом совершенно канонический; его симметрия одновременно завораживала, успокаивала и подбадривала. У основания из сплетения корней выглядывали мелкие твари: заяц, лягушка, улитка. Само же Дерево познания устремлялось ввысь, к небесам, к раю. По одну сторону от него стоял Адам, по другую – Ева; над ними висело яблоко.

В ветвях над Евой притаился Змей – извивающийся, с улыбкой соблазнителя.

– Кэт, Кэт! – раздался голос за дверью. – Ты почему не спускаешься? Заболела?

Вздыхнув, она закрыла книгу и убрала с глаз долой, засу-

нув под простыни. Почти все вокруг считали, что подобные идеи непозволительны для девушки ее положения, и это во-все не облегчало повседневных трудов и забот – так трудно все время слышать насмешки окружающих по поводу своих необычных устремлений.

– Иду! – откликнулась Кэт. – Сейчас спущусь!

– Кухарка тебя не пустит, если не явишься прямо сейчас. Ей уже надо готовить обед для гостей хозяина. Так что останешься без завтрака. А нас предупредили, что днем никакой еды не будет. Сказали взять себе хлеба и сыру, чтоб продержаться до ужина. – Мэтти, кажется, ужасала сама мысль об этом: будучи девицей упитанной, она считала каждую пропущенную трапезу самой страшной катастрофой, какую только можно себе представить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.